

УДК 930.1+322

DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.034

Концептуальные основания методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике

Вальдман Игорь Александрович

Кандидат философских наук, доцент,
начальник научно-организационного отдела,
Сибирский институт управления (филиал),

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
630102, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6;
e-mail: veritasnostra@mail.ru

Громова Ольга Алексеевна

Аспирант,
кафедра истории и политологии,
Новосибирский государственный технический университет,
630073, Российская Федерация, Новосибирск, просп. Карла Маркса, 20;
e-mail: olga-gromova-91@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-49-540003 «Мемориальное пространство городов Новосибирской области в исторической динамике» («Memorial space of cities of the Novosibirsk region in historical dynamics»).

Аннотация

Статья посвящена методологии изучения мемориального пространства. Актуальность определяется повышенным интересом гуманитарных наук к проблемам мемориальной культуры и исторической памяти при достаточно слабой теоретической разработке категориального аппарата «Memory Studies» и философской рефлексии сущности базовых для этого проблемного поля понятий. Цель статьи состоит в выявлении концептуальных оснований методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике. Методология изучения мемориального пространства строится на взаимном дополнении познавательных возможностей социокультурного, социально-деятельностного и социально-конструктивистского подходов. Авторы характеризуют общество как систему социальной деятельности, разновидностью которой является коммеморативная деятельность, раскрывают взаимосвязь коммеморативной деятельности и мемориального пространства, характеризуют значение коммеморативной деятельности и мемориального пространства в системе социальной онтологии. Также описываются особенности мемориального пространства как пространства специфической сакрализации деятельности. Предлагается использование полученных результатов в качестве методологической основы изучения мемориального пространства городов от прошлого к современности.

Для цитирования в научных исследованиях

Вальдман И.А., Громова О.А. Концептуальные основания методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 5А. С. 36-45. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.034

Ключевые слова

Мемориальное пространство, коммеморативная деятельность, социальная онтология, сакральное пространство, методология.

Введение

В условиях обострения противоречий между тенденциями глобализации и антиглобализма одним из наиболее существенных вызовов современности является вызов сохранения целостности и внутренней идентичности крупных социальных общностей основных государств, системообразующих для современного миропорядка, к числу которых, безусловно, относится и Россия. Особенно необходимо сохранение целостности и внутренней идентичности на «среднем» уровне, без претензии на глобальный универсализм собственного опыта и состояния, но и без скатывания в партикуляризм и частности абсолютизированных локальных кейсов. И здесь, говоря языком Я. Ассмана, ключевую роль играет «коннективная структура» коллективной памяти, обеспечивающая воспроизводство массового сознания и внутренней идентичности социума прежде всего посредством постоянного присутствия в жизни общества в виде специфического мемориального пространства, а в условиях прогрессирующей урбанизации современного мира – именно и прежде всего мемориального пространства городов.

Коллективная память поколений неизменно находит символические воплощения в пространстве жизнедеятельности социума. Город представляет собой сложно устроенное социокультурное пространство, в организации которого значение одной из доминант имеют памятные места – выразители ценностного восприятия обществом коллективно прожитого прошлого, опыт которого актуален и в настоящем. Сегодня публикуется значительное количество научных работ, посвященных вопросам мемориальной культуры и мемориального пространства, однако многим из них недостает теоретического обоснования, а язык таких публикаций нередко метафоричен. Поэтому изучение мемориального пространства города в исторической динамике требует разработки специальной научной методологии, что позволит перейти от уже пройденного краеведами и музейщиками этапа описания отдельных взятых памятников к изучению динамики мемориального пространства города как системы.

Цель данной статьи состоит в выявлении концептуальных оснований методологии исследования мемориального пространства города. Для этого предстоит: 1) охарактеризовать общество как систему социальной деятельности, где социальная онтология является основным рефлексивным социально-регулятивным механизмом; 2) раскрыть взаимосвязь коммеморативной деятельности и мемориального пространства; 3) охарактеризовать значение коммеморативной деятельности и мемориального пространства в системе социальной онтологии; 4) раскрыть особенности мемориального пространства как пространства специфической сакрализации деятельности.

В методологическом отношении данное исследование выполнено в рамках взаимного

дополнения познавательных возможностей социокультурного, социально-деятельностного и социально-конструктивистского подходов.

Мемориальное пространство как категория социальной онтологии

В настоящее время понятия мемориального пространства и мемориальной среды используют преимущественно архитекторы, а также специалисты в области градостроительства и градостроительства. Они понимают мемориальную среду (пространство) прежде всего как часть городской среды – обжитой территории, совокупности конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на уровень и качество жизнедеятельности человека. Архитекторы и градостроители имеют тенденцию рассматривать мемориальную среду (пространство) города в ее целостности, но прежде всего с эстетической и дизайнерской точек зрения. Методологическая рефлексия концептуальных подходов к исследованию городского пространства и городской культуры редка [Ковалева, 2014] и зачастую склонна ограничиваться констатацией необходимости соответствующих теоретических описаний с помощью метафорического понятийного аппарата [Горнова, 2016]. Для выявления концептуальных оснований методологии исследования мемориального пространства важно провести его последовательный социально-философский анализ.

Общество представляет собой систему социальной деятельности, в которой основные субъекты обмениваются деятельностью и взаимообусловлены ею. Общественное сознание является внутренним опосредованием в социальной деятельности. Оно регулирует социальную деятельность посредством специфической рефлексии, чье основное конечное назначение – «регулятивное обеспечение практики» [Фофанов, 1981, 39]. Ситуативная, локализованная рефлексия субъектов деятельности включена в доминирующий символический универсум данного общества и организована присущими ему социально-когнитивными символическими формами.

«Мемориальное пространство» является одной из категорий социальной онтологии, характеризующей зависимость саморегуляции социума от специфики представления регулируемой деятельности или ее аспектов в рефлексии общественного сознания. Поскольку рефлексия содержания и организации деятельности осуществляется в символической форме, а социально-онтологические компоненты являются рефлексивным внутренним опосредованием в системе социальной деятельности, социальная онтология является организацией нормативно-регулятивного комплекса, обеспечивающего символическую саморегуляцию общества. Социальная онтология представляет собой развивающееся совокупное знание об устройстве мира и его отдельных составляющих в соотношении с представлением об обществе и его устройстве. Социальная онтология обеспечивает осуществление социумом и отдельными индивидами выбора и принятия решений в системе социальной деятельности, где и само осознание наличия возможностей той или иной деятельности, а также стимулирование и подавление определенных вариантов выбора зависят от социокультурных особенностей рефлексии социально-политического и космического порядка, а также от представлений о производности и иерархичности его элементов.

Мемориальное пространство представляет собой одну из важнейших сфер выработки и реализации символической власти в обществе. Символическая саморегуляция социума осуществляется посредством придания нормативного и иерархизированного значения рефлексивным деятельностным смыслам. Символическая власть характеризует субъектную

способность осуществлять социальный контроль за созданием реальности при помощи слов, средств придания значений чему-либо и их упорядочения, обладает свойством скрывать или обнаруживать реально существующие объекты и таким образом изменять возможности операций с ними. П. Бурдьё отмечает, что символическая власть по преимуществу является политической властью [Бурдьё, 1993, 149]. Посредством символической власти в социуме регулируется система социальной деятельности через рефлексивную детерминацию специфики восприятия, оценки и структурирования в общественном сознании ее содержаний, а также через придание статусов значимым субъектам деятельности, их осознание и опосредованное ими распределение ресурсов.

Говоря о методологии изучения мемориального пространства, прежде всего необходимо уделить внимание принципам и основаниям интерпретации локализованных объектов и их конфигураций как проявлений историко-генетических смыслов. Прошлое в «свернутом» виде всегда присутствует в настоящем, в свойствах и характеристиках наличных объектов или в смысловых напряжениях между наличными и утраченными (отсутствующими в актуальности) объектами.

По своей социальной онтологии мемориальное пространство является частью социального пространства, включенным в него компонентом. По своей сути мемориальное пространство является тем, что Я. Ассман назвал «коннективной структурой», связывающей отдельных индивидуумов в особое «мы», опирающееся на подчинение общим правилам и ценностям, а также на «сообща обжитое прошлое». Коннективная структура соединяет общество в социальном, пространственном и временном измерениях [Ассман, 2004, 16].

Мемориальное пространство как «символический мир смысла» [Шюц, 2004, 456-526] связывает человека с его современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, в котором устанавливается взаимное доверие индивидуумов и определяется возможность ориентации. Будучи коннективной системой, мемориальное пространство связывает прошлое и настоящее, служит формированию и удержанию в живой памяти существенных «воспоминаний и опыта, включая в сдвигающийся вперед горизонт настоящего образы и истории иного времени и порождая тем самым надежду и память» [Ассман, 2004, 15]. Я. Ассман полагает, что повторение является основным принципом всякой коннективной структуры. Повторение «гарантирует, что траектории деятельности не потеряются в расходящейся бесконечности, а будут подчиняться узнаваемым образцам и опознаваться как элементы общей “культуры”» [Там же, 15-16].

Мемориальное пространство, представляя собой систему пространственно локализованной коммеморативной деятельности и воплощающих ее артефактов и символических репрезентаций, выполняет значимую функцию обеспечения внутренней интегрированности как на уровне местных сообществ, так и на уровне общегосударственном. Достигается это посредством регулярности воспроизводства в массовом сознании населения воспоминаний о символически значимых персонах и событиях, маркирующих собой наиболее значимые черты существующего социального порядка и легитимизирующих его культурно-идеологических оснований. Для исследования этих аспектов мемориального пространства необходимо охарактеризовать механизмы социокультурной саморегуляции, присущие стране и местным сообществам на различных этапах исторического развития, реконструировать формирование государственной политики памяти в рамках трансформирующейся идеологии, выявить локальные манифестации этой политики, осуществляемые на различном местном идейном и культурном субстрате и проследить эволюцию сформированной коммеморативной системы.

Мемориальное пространство как пространство сакральное

Существующая организация мемориального пространства строится по аналогии с сакральным пространством. Такая взаимосвязь ощущается многими исследователями. Отметим лишь, что, как писал Ж. Батай, «сакральный мир – это мир праздника, *воспоминаний* и богов» [Батай, 2006, 536]. Сакральный мир – мир исключительной ценности и значимости, символически регулирующий своими прецедентами и зависимыми от них предписаниями деятельность всех субъектов в традиционном социуме [Элиаде, 1994, 22-47]. Это центральная зона социокультурного регулятивного комплекса.

Неравномерность и неравнозначность различных социокультурных комплексов в пространственно-временном существовании традиционных обществ могут быть охарактеризованы при помощи использования различия «больших» и «малых традиций», или «центра» и «периферии». Обратим внимание на то, как эти идеи развил и переосмыслил Ш. Эйзенштадтом вслед за теоретическими построениями Э. Шилза [Лурье, 1997, 179, 183-185; Эйзенштадт, 1999, 79-82]. «Центр», или «центральная зона» культуры, являет собой институционально локализованное «символическое выражение макросоциального порядка» [Эйзенштадт, 1999, 79]. Центр представляет собой концентрированное и специфическим образом упорядоченное выражение символов, верований и ценностей данного общества, предельные основания для его «структуры активности» – основных форм социальной деятельности. Порядок «центра» в данном обществе, будучи предельным и нередуцируемым, сакрален. По словам Э. Шилза, «центр» является таковым «вследствие своего решающего значения и неустрашимости, и он воспринимается в качестве такового многими, кто не может явственно выразить его неустрашимость. *Центральная зона обладает сакральной природой*» [Там же]. «Периферия» же представляет собой символическо-пространственную локализацию «малых традиций», которые основываются прежде всего на сельских общинах, противовес упорядочивающего (и в этом трансформирующего) местного наследия «центра». В концепции Ш. Эйзенштадта структура соотношения «центра» и «периферии» выступает одним из ключевых оснований для объяснения характера интерпретации в различных типах традиционных (и не только традиционных) обществ [Там же, 134-151].

Как мы отмечали ранее, коллективный характер ритуала реализует в себе значение традиционной социальности. Ритуально-магическая практика обеспечивает внутреннюю идентичность традиции как сакрального нормативного комплекса через периодическое, выраженное в знаковых формульных действиях вспоминание, *актуализацию эталонов*, поддержание *готовности к исполнению* требуемых традицией предписаний, *исправление и забывание* осознанных отклонений [Вальдман, 2014, 127].

Таким образом, через ритуалы осуществляется основная программа традиционного общества – возвращение к норме, в полной мере выраженной в «мифологическом времени» прецедента (как «творения»). Смысл ее заключается в циклическом воспроизведении порядка, приведении наличного состояния к соответствию нормативному осуществляемому символическим образом. Отсутствие нужного результата в деятельности, как и другой психофизиологический дискомфорт [Дьяконов, 1990, 109], осмысляется как результат нарушения какого-либо из ритуальных правил (как наиболее аутентичной практики реализации нормативно-регулирующей функции мифологических прецедентов). Вся «ритуальная» коммуникация, пронизывающая традиционный социум, обеспечивает сохранение всего коллектива и отдельных его членов в состоянии полной подконтрольности и «комфортной предсказуемости» действий, совершенно не предполагающей какой-либо свободы индивида ни

по сути, ни в виде отрефлексированного феномена [Там же, 109-110]. Примечательно, что в социуме, начиная с его традиционного состояния, свобода формируется как признаваемая государством (и государственной религией) сфера самодетерминации, сфера «своей сакральности», «свободы быть собой», т. е. под своими богами и нормами [Вальдман, 2010]. Такая самодетерминация и воплощается на уровне символического универсума данного социума как та или иная форма рефлексии его самоидентичности (самотождественности) и суверенности, проявляющихся в проекции на стремление к автономии территориальной социально-политической организации и закреплении такого порядка средствами коммеморативной деятельности, оперирующей локализованными символами мемориального пространства.

В условиях трансформирующихся гетерогенных обществ борьба носителей конкурирующих парадигм за «центральную» зону культурной детерминации приводит к возникновению сложных отношений напряженности между разновременной и по-разному ориентированной «сакральностью» и между реализующими их коммеморативными локациями.

Одним из основных механизмов трансформации традиционного общественного сознания является десакрализация традиционных нормативных комплексов и их отдельных составляющих. Мемориальное пространство ввиду его идеологической значимости и символической нагруженности сакральностью становится одной из существенных зон противоборства значимых субъектов политики памяти и сферой интенсивной рефлексии сакральных статусов и степени десакрализации существенных коммеморативных элементов, своей наглядной конкретикой фундирующей массово признаваемую реальность различных доктринальных положений конкурирующих идеологий.

Исходя из единства и интегрированности мемориальных мест (символов) и включающих их в себя систем коммеморативной деятельности, можно указать на значимость для рефлексии изменения сакрального статуса сосуществования мемориальных элементов, легитимизирующего неунифицированное идеологически значимое содержание, ритуально-практическое несовпадение коммеморативной деятельности с включением различных гетерогенных мемориальных элементов, изменение соотношения структуры или элементов коммеморативной деятельности с включением одних и тех же мемориальных элементов, декларируемые переносы времени осуществления мемориальной деятельности и переименование значимых мемориальных объектов или комплексов ритуальной деятельности (например, праздников), включающих в себя мемориальные элементы с ритуальной коммеморативной репрезентацией определенных идеологически значимых смыслов.

Дифференциация памяти и памятных мест свидетельствует не столько о детализации и событийной или аспектированной подробности реальной истории, являющейся декларируемым предметом воспоминаний. Она характеризует прежде всего актуально значимую дифференциацию коммеморативной деятельности, для внутренних различий в которой определенное (в артефактах и местах их утверждаемой атрибуции) и пространственно дифференцированное расположение имеет смыслоразличительное значение. Скорее всего, избыточная детализация коммеморативных описаний является признаком вторичного и позднейшего по отношению к декларируемому предмету коммемораций конструирования в рамках утверждаемой идеологической ценности тех или иных смыслов.

В мемориальном пространстве как пространстве сакральном само его содержательное наполнение определяется порядком сосуществующих в нем элементов или тех локализованных смыслов, которым придано значение реальных в пределах социально-конвенциональной модели восприятия. Между такими сосуществующими элементами выстраиваются

определенные дистанции. Прежде всего это дистанции смысловые, выражающие степень близости к основным идеологически значимым символическим величинам, в первую очередь событиям и/или персонам. Локализации элементов мемориального пространства в пространстве географическом и соответствующие геометрические дистанции между ними частично являются проявлением дистанций смысловых.

В собственно сакральном пространстве момент «мемориальности» также всегда присутствовал, в том числе и в пространстве города [Кириченко, 2008]. Так, священный город Иерусалим в контексте иудаизма, христианства и ислама был связан с различными, хотя и частично взаимосотнесенными сакральными событиями. Для христиан ключевыми событиями стали страдания, распятие и воскресение главной сакрально значимой персоны – Иисуса Христа. Переживаемая достоверность этих давних, утверждаемых в рамках данной религии как реальные события требовала их конкретных локализаций в рамках конкретных мест исторически реального города Иерусалима, даже несмотря на то, что прямой и точной информации о таких локализациях или соответствующей традиции у местного населения не сохранилось даже к моменту официального (авторитетного) их «установления», каковое связывается с именем и разысканиями Елены, матери римского императора Константина. Сам город к этому моменту (в начале IV в. н. э.) не только был переименован, но и был в немалой степени перестроен. Что не помешало Елене, как об этом повествует традиция, опереться в «установлении» значимых для христианства мест не столько на противоречивые свидетельства местных собратьев по вере, сколько на собственное просветление (в результате молитв и помощи высших сил) и полученное с его помощью нужное знание о местонахождении Креста и связанных с ним локализациях Голгофы (места распятия) и могилы Иисуса. Позже эти и некоторые другие сакрально-мемориальные места были помещены под общую крышу Храма Гроба Господня.

Также в Иерусалиме существует традиционная локализация Via Dolorosa – дорога, по которой, как утверждается, нес свой крест к месту распятия Иисус. Очевидно, что сегодня пролегает она по улицам, имеющим в лучшем случае средневековое местоположение. Тем не менее для верующих все эти места становятся наглядным подтверждением и, не исключено, тактильным способом не только духовного, но и материального прикосновения и таким образом какого-то приобщения к ключевым событиям, выражающим истины веры. В области «народной религии», как пишет об этом Л.А. Беляев, «потребность в личном присвоении, “персонификации” святости доходит до стремления к соединению ее наглядных признаков с собственной брэнной оболочкой» [Беляев, 2009, 204].

В дальнейшем для перенесения проекции этих сакрально значимых событий в другие места не только могли строиться храмы с соответствующим посвящением сакральным персонам, но и в ряде случаев переносились и воспроизводились в других местах пространственно-топографические параметры объектов, имеющих значение в «первичных» сакрально-мемориальных локациях. Весьма типичным в христианской религиозности (примечательно, что как западной, так и восточной) является опыт создания в различных географических местах пространственных изоморфов Святой Земли, создание «Новых Иерусалимов» как перенесение таким образом сакральных пространств. А одним из масштабных опытов такого перенесения можно назвать построение патриархом Никоном в XVII в. комплекса Новоиерусалимского монастыря с попыткой в подмосковных условиях воспроизвести комплекс важнейших христианских священных мест Палестины, прежде всего Иерусалима [Новые Иерусалимы..., 2009]. Воспроизведение же достигалось их изоморфностью во взаимном расположении, геометрических параметрах и пространственной ориентации. Таким способом должна была

быть достигнута не только концептуально-идеологическая, но и наглядная, созерцательно и «тактильно» переживаемая достоверность истин веры, с учетом придания особого веса и значения не только Палестине как месту исходных локаций религиозно значимых событий и символов, но и Российскому государству как главному месту продолжения православной христианской веры и залого достижению всех духовных благ как в актуально близкой, так и в космическо-эсхатологической перспективах.

Другим примером воспроизведения пространственной изоморфности сакрально значимых мест в других локациях можно назвать сооружение подобия Via Dolorosa на склоне горы Кармель в современной Хайфе.

Воспроизведение локализованных идеологически значимых мемориальных символов без воспроизведения изоморфности с «исходными» или значимыми образцами можно видеть в массовом наименовании улиц в населенных пунктах, прежде всего в городах. Так, если для городов советского времени были типичны наименования улиц в честь Маркса, Ленина, Кирова, Жданова, Орджоникидзе и других значимых в советской идеологии персон, то в городах современного Израиля подобный же перечень персон, в честь которых названы улицы, – это деятели, значимые для истории этой страны в сионистской идеологической традиции: Бен-Гурион, Вейцман, Арлозоров и др. А вместо типичного наименования улицы «Советская» можно встретить столь же нередкое название «А-наси» («Президентская») и т. п.

Заключение

Изучение мемориального пространства города предполагает выявление его основных структурных элементов и механизмов социального функционирования, а также деконструкцию смыслов как отдельных мемориальных объектов, так и существующих между ними взаимосвязей, что невозможно без прояснения концептуальных оснований такого исследования. Наиболее существенным результатом нашей работы стало выявление специфики мемориального пространства как социально-онтологической категории. Мемориальное пространство как пространство коммеморативной деятельности обеспечивает легитимизацию доминирующего социально-политического порядка как целого и его иерархизированных элементов. Это осуществляется посредством системы придания значимости основным, локализованным в мемориальном пространстве идеологическим символам прошлого как системы пространства сакрального в собственном смысле слова, так и в варианте «небожественного священного».

Библиография

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
2. Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология. М., 2006. 742 с.
3. Беляев Л.А. Иерусалим видимый и невидимый: о типологии визуальных отражений Святой Земли в древнерусской культуре // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 202-220.
4. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 137-150.
5. Вальдман И.А. Социокультурная рефлексия свободы: политогенез и культурно-историческая память // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 131-136.
6. Вальдман И.А. Традиционное общественное сознание и социальная коммуникация // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1. № 4. С. 123-129.
7. Горнова Г.В. Методология исследования сущности города: объективированные формы городской культуры (к 300-летию Омска) // Гуманитарные исследования. 2016. № 3. С. 8-11.

8. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. 247 с.
9. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное: теория и художественная практика. М., 2012. 537 с.
10. Кириченко Е.И. Храм и город. О содержательно-структурном единстве русского сакрального пространства // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. М., 2008. С. 285-315.
11. Ковалева Т.Н. Основные концептуальные подходы к исследованию городского пространства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 1. С. 97-99.
12. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. 448 с.
13. Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. 912 с.
14. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. 303 с.
15. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004. 1056 с.
16. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. 416 с.
17. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 144 с.

Conceptual foundations of the methodology for studying memorial space in historical dynamics

Igor' A. Val'dman

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Head of the Scientific and Organisational Department,
Siberian Institute of Management (branch),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
630102, 6, Nizhegorodskaya st., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: veritasnostra@mail.ru

Ol'ga A. Gromova

Postgraduate,
Department of history and political science,
Novosibirsk State Technical University,
630073, 20, Karla Marksa av., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: olga-gromova-91@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the methodology of the study of memorial space. The relevance of the research is determined by the increased interest in the problems of memorial culture and historical memory within the framework of the humanities with insufficient theoretical development of the categorical apparatus of “Memory Studies” and philosophical reflection of basic concepts for this problem field. The purpose of the article is to identify the conceptual foundations of the methodology for studying memorial space in its historical dynamics. The article points out that the methodology of studying memorial space is based on the mutually complemented cognitive capabilities of sociocultural, socio-active and socio-constructivist approaches. The authors of the article characterise society as a system of social activity, commemorative activity being its variety, make an attempt to reveal the relationship between commemorative activity and memorial space, and pay attention to the importance of commemorative activity and memorial space in the system of social ontology. They also describe the features of memorial space as a space of specific sacralisation of activity. The results of the research can be used as a methodological basis for studying the memorial space of cities and towns from the past to the present.

For citation

Val'dman I.A., Gromova O.A. (2019) Kontseptual'nye osnovaniya metodologii issledovaniya memorial'nogo prostranstva v istoricheskoi dinamike [Conceptual foundations of the methodology for studying memorial space in historical dynamics]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (5A), pp. 36-45. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.034

Keywords

Memorial space, commemorative activity, social ontology, sacred space, methodology.

References

1. Assmann J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow.
2. Bataille G. (1949) *La part maudite*. (Russ. ed.: Bataille G. (2006) "Proklyataya chast'": sakral'naya sotsiologiya. Moscow.)
3. Belyaev L.A. (2009) Ierusalim vidimyi i nevidimyi: o tipologii vizual'nykh otrazhenii Svyatoi Zemli v drevnerusskoi kul'ture [Visible and invisible Jerusalem: on the typology of visual reflections of the Holy Land in Old Russian culture]. In: *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and iconography of sacred spaces]. Moscow, pp. 202-220.
4. Bourdieu P. (1987) Espace social et pouvoir symbolique. In: *Les choses dites*. Paris: Éditions de Minuit. (Russ. ed.: Bourdieu P. (1993) Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast'. *Thesis*, 1 (2), pp. 137-150.)
5. D'yakonov I.M. (1990) *Arkhaischeskie mify Vostoka i Zapada* [Archaic myths of the East and the West]. Moscow.
6. Eisenstadt S. (1978) *Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations*. New York: Free Press. (Russ. ed.: Eisenstadt S. (1999) *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii*. Moscow.)
7. Eliade M. (1965) *Le sacré et le profane*. Paris. (Russ. ed.: Eliade M. (1994) *Svyashchennoe i mirskoe*. Moscow.)
8. Fofanov V.P. (1981) *Sotsial'naya deyatel'nost' kak sistema* [Social activity as a system]. Novosibirsk.
9. Gornova G.V. (2016) Metodologiya issledovaniya sushchnosti goroda: ob'ektivirovannye formy gorodskoi kul'tury (k 300-letiyu Omska) [The methodology of the study of the essence of the city: objectified forms of urban culture (on the 300th anniversary of Omsk)]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities research], 3, pp. 8-11.
10. Kirichenko E.I. (2008) Khram i gorod. O soderzhatel'no-strukturnom edinstve russkogo sakral'nogo prostranstva [The temple and the city. On the content-structural unity of the Russian sacred space]. In: *Ierotopiya. Sravnitel'nye issledovaniya sakral'nykh prostranstv* [Hierotopy. Comparative research on sacred spaces]. Moscow, pp. 285-315.
11. Kovaleva T.N. (2014) Osnovnye kontseptual'nye podkhody k issledovaniyu gorodskogo prostranstva [The main conceptual approaches to the study of urban space]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 1, pp. 97-99.
12. Lur'e S.V. (1997) *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. Moscow.
13. *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and iconography of sacred spaces] (2009). Moscow.
14. Schütz A. (2004) *Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works: the world shining with meaning]. Moscow.
15. Val'dman I.A. (2010) Sotsiokul'turnaya refleksiya svobody: politogenez i kul'turno-istoricheskaya pamyat' [Sociocultural reflection of freedom: genesis of politics, cultural and historical memory]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 12, pp. 131-136.
16. Val'dman I.A. (2014) Traditsionnoe obshchestvennoe soznanie i sotsial'naya kommunikatsiya [Traditional public consciousness and social communication]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 1 (4), pp. 123-129.
17. Zenkin S.N. (2012) *Nebozhestvennoe sakral'noe: teoriya i khudozhestvennaya praktika* [The undivine sacred: theory and art practice]. Moscow.